

пришел в дом друзей, которые хотя и со страхом, но все же дали ему приют, как сыну Периандра.

52. В конце концов, Периандр повелел объявить через глашатая: всякий, кто примет [в дом] его сына или будет говорить с ним, должен уплатить священную пеню (определенную сумму денег) в святилище Аполлона.

Поэтому то никто не желал больше говорить с изгнанником или давать ему приют в своем доме. Да и сам Ликофрон уже не пытался больше склонить кого-нибудь к нарушению отцовского приказа, но терпеливо выносил свою участь, скитаясь под портиками Коринфа. На четвертый день [после этого] Периандр увидел сына, немытого и голодного, и сжалился над ним. Подавив свой гнев, тиран подошел к Ликофрону и сказал: “Сын мой! Что тебе милее: твое нынешнее положение или власть и богатства, которые теперь мои, но будут твоими, если ты подчинишься отцовской воле? Ты, сын мой, наследственный владыка «блаженного» Коринфа, избрал, однако, жалкую жизнь нищего, восстав в гневе на того, кто менее всего должен вызывать твой гнев. Если, действительно, случилась у нас беда, из-за чего ты питаешь подозрение, то это также и моя беда: меня она касается ближе всего, потому что я ее виновник. Но теперь, когда ты изведal, насколько лучше возбуждать зависть, чем сожаление, и что такое распасться гневом